

18+

— Загадал
желание?
— Да.
— А какое или
может кого?
— Тебя.

МОЯ БЛОНДИНКА

МЕРСЕДЕС ПОРШ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мерседес Порш

Моя блондинка

«Автор»

2026

Порш М.

Моя блондинка / М. Порш — «Автор», 2026

Роман о роковой страсти, где любовь балансирует на грани боли. Герои — две противоположности: он — олицетворение тьмы, она — воплощение света. Что победит: мимолётная интрижка или настоящее чувство? Винсер Бартман — холодный, расчётливый миллионер, владелец запрещённого бизнеса. Циничный сердцеед, он привык подчинять и ломать, скрывая за маской жестокости израненную душу. Его притягательность опасна: острые черты лица, татуировки, властный взгляд — женщины не в силах устоять. Джулиет Фишер — нежный «ангел» с редкой гетерохромией и роскошными светлыми волосами. Миниатюрная и хрупкая, она гасит конфликты одним присутствием. Немая с детства, Джулиет не считает себя особенной: увлечена учёбой на маркетолога, не ищет отношений — у неё никогда не было даже первого поцелуя. Их случайная встреча — искра между двумя мирами: он, для кого каждый вечер — новая интрижка, и она, никогда не знавшая любви. Их притяжение неизбежно и опасно. В книге: #разница_в_возрасте #страсть #любовь 18+

© Порш М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПЛЕЙЛИСТ. ПРОЛОГ	5
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мерседес Порш Моя блондинка

ПЛЕЙЛИСТ. ПРОЛОГ

ПЛЕЙЛИСТ.

Jah Khalib — Любимец твоих Дьяволов

Баста, Диана Арбенина, Александр Ф. Скляр, Сергей Бобунец, SunSay, Скриптонит — Сансара

Wiz Khalifa, Charlie Puth — See You Again

Chris Grey — MAKE THE ANGELS CRY

Fallulah — Give Us A Little Love

LOne, Елка — Шанс

Баста — Верю в тебя

Aarne, ToxiS, ЕГОР КРИД — ДУРНАЯ

Evanescence — My Immortal

Элли на маковом поле, лампабикт — где ты?

Баста — Ты была права (Remix)

Баста, MONA, Три дня дождя, Владимир Пресняков — Луч солнца золотого

NEMIGA — Сильные люди

«Твоя любовь может казаться незаметной для других, но я вижу тебя насквозь, милая.»

-- Винсер Бартман.

Джулиет Фишер.

Я посмотрела на парня и заметила, что он остался без одеяла. Сердце сжалось от какой-то тихой, неловкой заботы — будто эта мелочь вдруг стала невероятно важной. Повернувшись к нему, я аккуратно укрыла его, старательно поправляя ткань: хотелось, чтобы она надежно закрывала все оголенные части тела Ви. К счастью, слез не было видно — я уже успела успокоиться, загнав их куда-то глубоко внутрь, туда, где они не смогут испортить этот хрупкий момент.

Еще раз глянула на него — на это спокойное, почти детское во сне лицо, и что-то дрогнуло внутри. Дотянулась до бумажки и ручки, быстро набросала пару строк, а потом показала ему, сама не понимая, зачем делаю это сейчас, когда он все равно не прочтет. Но мне хотелось оставить эти слова где-то рядом, будто они могли удержать меня от падения. Я смотрела на него с этими самыми щенячьими глазками — будто от его молчаливого согласия, даже воображаемого, зависела вся моя жизнь.

«Прошу, можно я с тобой буду рядом?» — прошептала я про себя, так и не произнеся этого вслух. Впервые за долгое время я почувствовала себя нужной — пусть даже это чувство было обманчивым, пусть даже оно держалось на тончайшей нити надежды. Я хотела просто побыть здесь еще немного, впитать это ощущение, запомнить его, чтобы потом, когда все снова станет серым и пустым, у меня осталось хоть что-то. А утром я уйду — тихо, незаметно, чтобы не портить ему настроение. «Только позавтракай в этом отеле, пожалуйста» —, думала я, будто эта маленькая просьба могла хоть что-то исправить. «Тут очень вкусная еда...» Мне хотелось позаботиться о нем, даже если эта забота никому не нужна.

Я переспала с ним в знак благодарности — он ведь спас меня, и в тот момент это казалось самым правильным способом сказать «спасибо». Но где-то в глубине души царапало горькое понимание: таким парням, как он, нужно только одно. Осознание колелось, как мелкая заноза, но я все равно не держала обиды. Странно, но даже это не мешало мне хотеть для него самого

простого — чтобы он поел, восстановил силы. Такое уж у меня воспитание: должна позаботиться, даже когда обо мне никто не думает.

Аккуратно обняла его руку, прислонилась чуть оголенной грудью, положила голову ему на плечо и, прикрыв глаза, стала засыпать. Тихонько сопела, стараясь даже этим не потревожить его покой. В этой близости было что-то до боли хрупкое — словно я балансировала на краю пропасти, но именно здесь, прижавшись к нему, чувствовала себя в безопасности.

Я решила уйти раньше, пока он еще спит. Так ему не придется меня выгонять — не придется подбирать неловкие слова, смотреть в сторону, избегать моего взгляда. Я просто выскользну из комнаты тихо, как тень, и не оставлю после себя ничего, кроме легкого запаха духов да смятой простыни. Не хочу видеть этот момент, не хочу ловить на себе его взгляд, в котором мелькнет едва заметное облегчение. Пусть все останется так — как тихий, почти незаметный эпизод, который никто не станет вспоминать.

Мне было с ним хорошо, пусть он и поступил со мной отвратительно, пусть и использовал. Рядом с ним я чувствовала безопасность и спокойствие — такое редкое, почти забытое ощущение. И ради этого мгновения я была готова закрыть глаза на все остальное, спрятать обиду в самый дальний уголок души и просто побыть счастливой хоть эту одну ночь.

Винсер Бартман.

Я посмотрел на то, что она написала, и прочел. Черт его побери... Такое неприятное чувство паршивости я испытывал впервые в жизни — оно въедалось под кожу, царапало изнутри, будто кто-то медленно тянул из меня жилы. Я кивнул, будто соглашаясь с чем-то, чего не хотел признавать, и, сам не понимая зачем, аккуратно погладил ее по голове. Потом постепенно стал засыпать, но сон был рваным, колючим — он не приносил облегчения, лишь набрасывал поверх этой тяжести еще один слой.

Проснулся я рано — даже слишком рано. Девушка еще спала, свернувшись в клубок, будто пыталась спрятаться от всего мира. В горле снова ужасно пересохло, а голова гудела, как после затяжной бури. Я встал и пошел к минибару — не столько ради воды, сколько чтобы хоть чем-то занять руки, заглушить это странное, непривычное беспокойство. Просто утолить жажду, да и спать уже не хотелось.

Краем уха я услышал, как она зашевелилась. Попивая воду из бутылки, я повернулся и стал наблюдать за ней. Она неловко прикрывалась одеялом и шла до ванной с вещами — неуклюжая, сонная, настоящая. Выглядела она забавно... И в этом ее несовершенстве было что-то такое, от чего внутри у меня на мгновение что-то екнуло — как мимолетная пролетающая звезда над нами: вспыхнула и тут же погасла, оставив после себя лишь легкую тень удивления. Я тут же одернул себя: не надо этого. Не надо искать в ней что-то большее.

Когда блондинка вернулась из душа, я сидел на кровати в одних боксерах и листал новости в телефоне — делал вид, что мне все равно, что этот мир крутится вокруг меня, а она — лишь случайный эпизод. Но краем глаза я следил за каждым ее движением. Увидев, что она идет к двери, я нахмурился. Поднявшись, подошел к дверному проему, облокотился о него и скрестил руки на груди, глядя, как она обувается. В груди ворочалось что-то тяжелое, неприятное — будто я упустил что-то, хотя сам не понимал, что именно.

— Может, останешься? Придешь в норму? Я здесь все равно задерживаться не собираюсь — мне на работу ехать. Номер оплачен еще до двух часов дня, — проговорил я, глядя на нее, но стараясь не встречаться с ней взглядом.

Это паршивое чувство я пытался притупить, загнать его куда-то в дальний угол сознания. Ведь все это для меня не норма. Совсем не норма. Когда она посмотрела на меня, я спокойно уставился в телефон — будто он был моим щитом. Она взяла его, начала писать сообщение. Я следил за ее пальцами, такими тонкими, чуть дрожащими, и в груди снова что-то сжималось.

Она вплотную подошла ко мне, показывая экран. Я быстро пробежался взглядом по строкам, потом глянул на нее и слегка дернул бровью — единственная маска, которую я умел надевать, чтобы скрыть то, что внутри.

« Винсер. Я была твоей игрушкой, просто вещью. Поняла это, к сожалению, поздно. Я подумала, что впервые кого-то и вправду заинтересовала, подумала, что нравлюсь тебе, а оказалась полной дурой. Я и вправду рада, что провела эту ночь с тобой, а не с тем маньяком. Ты мне помог, но ради своей выгоды, просто чтоб переспать со мной. Уверена, что ты даже не заметил того, что у меня гетерохромия — разные глаза, потому что ты смотрел только на мое тело. Ты заинтересовал меня не своим телом, а красивыми глазами и поведением. Во мне ты увидел просто легкую добычу. Я впервые, блять, полюбила кого-то, а ты как ножом в спину. Не всем нужна твоя красота снаружи, есть люди, которым ты можешь понравиться за то, что у тебя внутри. Надеюсь, что когда-нибудь ты найдешь своего человека и будешь счастлив. Прощай, Бартман».

Я только успел поднять на нее взгляд, как она притянула меня к себе за шею и поцеловала в губы. Ее прикосновение было нежным — таким, что на секунду весь мой привычный мир, выстроенный из цинизма и острых углов, будто треснул. Она чуть раздвинула мои губы, и в этом движении было столько искренности, столько боли, что я невольно потянулся к ней, хотел удержать, продлить этот миг, где я не был тем, кем привык себя считать. Но когда я притянул ее к себе, она отстранилась. Я посмотрел на нее удивленно — будто меня ударили, но я даже не понял, за что.

Внутри снова поднялось это ужасное чувство — оно расплзлось по венам, разъедало, выворачивало наизнанку. Никогда такого не испытывал. Эта паршивость просто убивала. Мне были непонятны ее поступки, непонятна эта смесь обиды и нежности, которая сбивала меня с толку.

— Я не такой хороший, как ты думаешь. Совсем не хороший человек, гнилой изнутри, — проговорил я спокойно, глядя на нее. Голос звучал ровно, но внутри все дрожало.

Я убивал людей лично. Пытал, вырывая у них кишки — в прямом смысле слова. Делал это хладнокровно, без угрызений совести, будто это была просто работа. Но никогда, ни разу в жизни я не испытывал такого чувства, как сейчас. Оно было страшнее любой крови, страшнее любого крика.

Когда она хотела выйти из номера, я резко подошел и поставил руку так, что не дал ей открыть дверь. Сам опустил голову, прикрыл глаза и задумался. В голове крутились обрывки мыслей, но ни одна не могла собрать этот хаос в единое целое.

— Не для выгоды. Просто помочь... Я не отрицаю, что преследовал свою выгоду, но я никак не проявил никакой инициативы, ведь видел твое испуганное состояние. Я паршивец, тот еще, я это не отрицаю. Но мне ужасно перед тобой сейчас стыдно, — произнес я, поднимая на нее взгляд.

Ее глаза бегали по моему лицу, словно пытались найти в нем хоть крупицу того человека, о котором она писала в сообщении. Было заметно, как она слегка трясется. Для нее я выглядел мрачно, пугающе — и неудивительно: при моих 196 сантиметрах она, с ее 164, казалась совсем малышкой, хрупкой, как фарфоровая кукла, которую страшно взять в руки.

Она снова взяла телефон и стала писать, а я следил за ней. Сейчас она не выглядела злой — скорее, как безобидный олененок, который всего боится, но все равно пытается стоять на своем.

« Гнилой? Винсер, ты сам себе это внушил и делаешь все, чтобы следовать и подходить этому качеству. Ты не такой человек, я же вижу. Со мной ты пытался показаться добрым, а значит, ты не совсем и гнилой. Тебе стыдно, а ты представляешь, как я себя чувствую сейчас? У тебя таких девишек, как я, — явно десятки, и ты уже сегодня вечером напьешься и забудешь обо мне. Возьмешь другую и хорошо проведешь время. А я так и буду постоянно

думать о тебе. За что тебе стыдно — за то, что ты мной воспользовался в таком состоянии, или за то, что обманул? Что ты вот сейчас сделаешь со мной? Я тебе нагрубила все-таки. Мессу ты же отравил или что ты там сделал — сделаешь со мной так же?»

Пока я читал, она начала писать новое сообщение.

« Винсер. Иметь семью гораздо лучше, чем шляться с девушками. Я для тебя пустое место, но попробуй все-таки найти своего человека. Ты такие чувства дикие испытываешь, когда поймешь, что это он, и ты хочешь с ним прожить всю жизнь, а не одну ночь. Будь счастлив. И убери руку, пожалуйста».

Она развернулась и попыталась убрать мою руку, но сил у нее не было. Опустила руки и стояла, глядя на меня своими большими глазами, в которых плескалась целая буря эмоций. А я стоял смирно, смотрел на нее с кажущимся спокойствием, но внутри меня все кричало.

— Ты совсем не знаешь меня, совершенно не знаешь, что я за человек, — проговорил я тихо и спокойно, стараясь удержать эту маску безразличия. — Все, кто обо мне знает, думают, что я чистый бизнесмен.

По поводу ее подруги я приподнял бровь и слегка нахмурился.

— С твоей подругой я ничего не делал. Из-за твоей подруги портить свою репутацию и попадать под прессу я не намерен.

Она удивленно похлопала ресницами, а потом неожиданно дала мне пощечину. Я удивленно посмотрел на нее — на секунду даже растерялся, будто изпод ног выдернули пол. Отпустил руку. Увидев слезы у нее на глазах, я вздохнул, выпрямился и отвернул голову, уставившись в стену. Щека горела, но я не обращал на это внимания.

« Ты стареешь, и со временем твоя «красота» быстро пропадет. Тебя сейчас некоторые девушки хоть используют за то, что красивый, а потом только за деньги будут. А любимый человек никогда не уйдет и будет рядом, несмотря на твои проблемы. Я закажу такси с твоего телефона, считай это как «отделался».

Она открыла дверь и вышла, хлопнув ее перед моим носом.

Что ж... Она считает, что пощечина была заслуженной. Я тяжело выдохнул, прикрыл глаза и задумался о своем. Вроде бы наконец перешел черту и смог добиться своего — того, к чему шел, того, что считал нужным. Но никакого победного послевкусия не было. Вообще ничего. Только пустота, тяжелая и вязкая, как смола, которая медленно затягивает все, что еще оставалось живым внутри.

Глава 1

Винсер Бартман.

«А где же привычное «вау» в нашу сторону? Интересно».

За несколько дней до этого случая .

Очередное «доброе» утро — а точнее, гребаное. Я лениво приоткрыл глаза и уставился в потолок незнакомой комнаты. С неохотой повернул голову в сторону и посмотрел на обнаженную шатенку, едва прикрытую одеялом. Глянул ей в лицо — и тут же безразлично отвернулся, будто увидел что-то надоевшее до оскомины. Встал с кровати, не скрывая раздражения.

«Мда... Под травкой она была гораздо симпатичнее», — пронеслось в голове, едкое и безжалостное.

Опустив взгляд на пол, где в беспорядке валялась моя одежда, я подобрал ее и направился к двери, которую с ходу принял за вход в ванную, — и, к счастью, не ошибся. Я не переношу на себе чужой запах: он въедается, липнет, раздражает до скрежета в зубах. Спокойно принял душ, смывая с себя не только остатки ночи, но и ощущение чужой близости. Оделся в свою одежду — чистую, знакомую, свою. Выйдя из ванной, заметил на тумбе бутылку воды. Открыл ее и жадно сделал несколько глотков. Сухость в горле наконец начала отступать, но головная боль все еще давала о себе знать — тупая, настойчивая, как старый враг, который не спешит уходить.

Почувствовал легкое прикосновение женской руки к своему оголенному торсу — и тут же грубо схватил ее за запястье. Хмуро посмотрел на девушку, всем своим видом давая понять, что это действие было не просто лишним, а откровенно неуместным.

— Ты такой с утра хмурый, — протянула она, пытаясь сгладить неловкость.

— А ты еще здесь? — бросил я, и в этом вопросе не было ни капли удивления — только раздражение.

Она удивленно посмотрела на меня и нервно сглотнула, будто только сейчас осознала, насколько неуместна здесь.

— Проваливай, — произнес громко и четко, не отводя взгляда. Столкнувшись с моим взглядом, она вздрогнула, и по ее коже пробежали мурашки. На моем лице невольно появилась довольная ухмылка — та самая, от которой внутри поднималось знакомое чувство превосходства. Это ощущение власти над чужими эмоциями будоражило, пьянило сильнее любого алкоголя.

— Я-я... Не пойду никуда, — еле слышно прошептала она, голос дрожал.

Я цокнул и закатил глаза. Такие назойливые девушки раздражали до зубовного скрежета. Отпустил ее запястье, быстро собрал ее вещи и, схватив девушку за руку, буквально вышвырнул за дверь. Одежду разбросал по коридору, а затем захлопнул дверь прямо перед ее носом. Игнорировал ее слабые попытки достучаться, ее стуки и всхлипы — все это было пустым шумом, не стоящим моего внимания.

Телефон на тумбочке завибрировал. Подошел, взглянул на экран и принял звонок.

— Чего тебе надо утром? — грубо бросил я, оглядывая номер, в котором находился.

— Ой, да ладно, чувак, попроще, — послышался в трубке знакомый голос.

— Ну так, блять, не тяни яйца и говори уже, что за дело, — рывкнул я. Я всегда был резок — прямота казалась мне единственным честным способом общения.

С другого конца провода раздался короткий смешок, а затем, после тяжелого выдоха, голос стал серьезнее:

— Поставщик новый. С ним надо встретиться вечером в клубе.

— Понял. Всю остальную информацию знаешь, куда писать. Если ты не тупой и умеешь пользоваться смартфоном, — не дослушав, я сбросил вызов. Схватил ключи от машины и вышел. Девушки уже не было — она исчезла, как и все остальные до нее.

Я остановился у лифта, чувствуя привычную пустоту. Винсер не возит девушек в свой дом — только в отель. Это не просто правило, а принцип. Мне неприятно осознавать, что на мне остается запах той, с кем я лишь бегло переспал, чтобы утолить мимолетное желание.

На подземной парковке сел в машину и поехал перекусить.

В ресторане я не обратил внимания на встречающего официанта — просто молча прошел мимо, будто его и не существовало. Направился к столику, который устраивал меня по расположению и уединенности, скинул джинсовку на соседний стул и лениво уселся.

— Простите, столик забронирован. Давайте я провожу вас к другому... — тихо произнес подошедший официант.

— Да плевать мне, что он занят. Значит, бронь сними. В чем проблема? Или ты мне здесь, сосунок, будешь на нервы действовать? — проговорил я суровым, холодным голосом, сжав челюсть так, что на скулах проступили жесткие линии.

К официанту тут же подбежала молодая девушка-администратор. Быстро оценив ситуацию, она что-то тихо сказала парню, и тот сразу же замешкался, потеряв всю свою уверенность.

— Простите. Вот ваше меню. Позовите меня, когда определитесь с выбором, — спокойно произнесла администратор, глядя на меня без страха, но с уважением.

Минут десять я сидел, рассеянно листая меню и одновременно проверяя телефон. Наконец сделал заказ. Через двадцать минут стол был накрыт: стейк прожарки medium с жареной картошкой, салат с лососем, украшенный сливочным сыром, с помидорами и рукколой внутри. Блюда выглядели неплохо, но не вызвали во мне восторга. Впрочем, голод оказался сильнее придирчивости.

Пока ел, лениво листал ленту в соцсетях, но периодически отвлекался на звонки с анонимных номеров — они тут же удалялись после вызова. Наркотики — дело тонкое: поймают — и тебе конец. Поэтому я осторожничал, проверял каждый шаг, каждую связь.

За трапезой замечал на себе взгляды других женщин — они узнавали меня, и в их глазах читалось знакомое желание: использовать мою известность, чтобы хоть немного приблизиться к свету софитов. Я равнодушно отводил взгляд.

Выставил в соц.сети фото из спортзала — так положено популярной личности. Откинул телефон на диван и почти залпом выпил безалкогольный «мохито». Экран тут же загорелся от потока уведомлений, но я не спешил их читать. Забавный факт: на моих фотографиях никогда не было девушек. Я никогда не строил серьезных отношений. Мой жизненный путь начался как путь бабника — и с тех пор ничего не изменилось.

Расплатившись, уехал к одному из своих домов. Сколько их у меня сейчас? Лет шесть назад было восемь, а теперь я даже не считал. У меня работал персонал, который поддерживал дома в идеальном состоянии. Плюс пассивный доход от сдачи недвижимости в аренду — удобно, когда деньги приходят сами, не требуя твоего присутствия.

Припарковав машину, я вышел и направился внутрь.

— Ви, вернулся! Ну наконецто! Я приготовила горячие пирожки, а они уже остывают, — заботливо произнесла женщина, встречая меня с теплой улыбкой.

— Теть Галь, я не хочу, но спасибо большое, — я чуть улыбнулся, и эта улыбка была настоящей, не той холодной маской, которую я надевал для остальных.

Галина была главной среди персонала, командовала остальными, но для меня она была кем-то большим — почти семьей. Она заменила мне родителей, когда те исчезли из моей жизни. При посторонних мы не показывали этих теплых отношений — общались строго официально, будто между нами не было ничего, кроме рабочих обязанностей.

— Я в кабинет, — коротко бросил я и направился туда.

Устало опустился в кресло за ноутбуком. Перед глазами всплыли данные о ночных поставках наркотиков — их нужно было доставить в другую часть города, чтобы не попасться. Параллельно изучал информацию о новом поставщике. Я был предельно осторожен: всех, с кем приходилось иметь дело, сначала тщательно пробивали, платили хорошие деньги, чтобы добыть максимум сведений. Именно этим сейчас и занимались мои люди.

До пяти вечера я работал, периодически отвлекаясь на воду или кофе, которые приносила прислуга. Разговаривал по телефону с разными знакомыми, решал вопросы, держал руку на пульсе. Но в какойто момент понял, что пора остановиться — голова гудела, а усталость накатывала тяжелой волной. Нужно было собраться с силами и хоть немного отдохнуть от этой бесконечной гонки.

Зашел в свою комнату, стянул с себя одежду и рухнул на кровать в одних боксерах. Взял сигарету и не спеша закурил, позволяя дыму заполнить тишину комнаты.

Да, тело у меня было превосходным — это признавали все. Но сам я, как человек, был гнилым. И прекрасно это осознал.

Полтора часа я просто лежал, глядя в потолок и позволяя себе эту редкую минуту бездействия. Потом встал и пошел к гардеробу. Весь мой гардероб был черным — я редко позволял себе другие цвета. Мрачность шла мне, отражала то, что было внутри. Переоделся, закатал рукава, оставил пару верхних пуговиц расстегнутыми — этот небрежный вид добавлял образу дерзости.

Вышел к машине. Я менял девушек, как перчатки, и точно так же часто пересаживался на разные автомобили. Сегодня выбрал машину элитного класса — редкий экземпляр. Таких машин в мире всего три, а у меня — первая, с серийным номером «000000000001». Это давало то самое чувство превосходства, которое мне было необходимо, чтобы не сойти с ума от скуки. Моя жизнь была однообразной, и только такие мелочи, как обладание чемто уникальным, служили слабым стимулом. Иногда наркотики сглаживали острые углы, но лишь на время.

Сев в машину, я завел двигатель. Рев мотора прокатился по всей парковке, наполняя пространство мощью. Нажал на газ — и машина тяжело, но уверенно тронулась с места.

— Эта мощная темная лошадка как нельзя лучше подходит своему владельцу, — пробормотал я, усмехаясь.

Путь лежал к клубу, где должна была состояться встреча.

Клуб «Dead Angel» — «Мертвый ангел» — полностью оправдывал свое название. Интерьер был выдержан в темной, почти готической эстетике, а в центре зала на стене красовалась фигура ангеладевушки — мрачная, изящная, словно застывшая в последнем полете.

Как только я вошел, персонал тут же засуетился, выполняя привычные ритуалы. Я осматривался, впитывая атмосферу, чувствуя, как взгляды окружающих скользят по мне, как шепот проносится по залу.

— Это же сам Бартман, владелец клуба, заявился здесь! Господи, не думала, что увижу лично такую известную личность, — послышался восторженный голос девушки за одним из столиков.

Следом вошел Ян — мой друг, темноволосый, с рельефным телом, чуть ниже меня, без татуировок, но с той же внутренней уверенностью.

— О господи! Это же его друг Ян! — раздался еще один взволнованный голос.

Мы прошли к столику неподалеку и уселись. Я махнул рукой — официант тут же все понял и отправился готовить напитки.

— А я думал, ты со своей курицей, — усмехнулся я, он смотрел на меня.

— Не называй так Онли, бесишь, — грубо и нервно бросил Ян, сверкнув взглядом.

— Чья бы корова мычала...

— Вот влюбишься — я посмотрю на тебя, будешь визжать.

— А ты знаешь, как визжит резанная свинья? — Я усмехнулся, глядя на друга, и он вскинул брови, непонимающе покачав головой.

— Ну так я на тебе и покажу, — с усмешкой и чуть более сурово добавил я, поправляя свои темные, слегка волнистые волосы.

Официант подал напитки. Я взял снифтер, поднял его.

— За хорошую сделку.

— Да-да, ты тут баб высматриваешь, а не о сделке думаешь, — начал дразнить Ян, усмехаясь.

Мы чокнулись и выпили залпом. Дальше разговор пошел уже спокойнее, без колкостей, просто о жизни, о делах, о том, что волновало.

Говорить со мной было непросто: я был импульсивным, резким, говорил прямо в глаза, иногда нарочно провоцируя на конфликт. Не все выдерживали такой стиль общения, но те, кто знал меня давно, уже привыкли.

Наш разговор прервала брюнетка с симпатичным лицом. Она подошла, явно собираясь что-то сказать, и в ее взгляде читалось то же самое желание, что и у всех остальных: прикоснуться к моей жизни, хоть на мгновение стать ее частью. Я чуть прищурился, оценивая ее, но в груди не шевельнулось ничего, кроме легкого раздражения. Еще одна попытка вплестись в мою реальность — и еще одна обреченная на провал.

Джулиет Фишер.

Подойдя к столику парней, Месса вежливо улыбнулась и посмотрела на них. Я стояла в сторонке, стараясь слиться с тенью, и наблюдала за этой сценой, чувствуя, как внутри все сжимается от неловкости. Мне не нравилось это обильное внимание, эти взгляды других девушек, прилипшие к компании, будто к чему-то запретному и притягательному.

— Ой, извините, а можно с вами сфотографироваться? — легко, будто бросая в воду камешек, спросила Месса.

Пока они разговаривали, я через спину Яна узнала его имя — подруга как-то восторженно рассказывала о нем, и теперь эта деталь вдруг показалась до нелепости важной. Но не имя меня пронзило, а мрачный взгляд друга Яна — он словно просверлил меня насквозь, тяжелый и холодный, как лезвие.

Когда я поймала этот взгляд, брови сами собой сошлись к переносице, и я нахмурилась. Быстро подошла к Мессе, схватила ее за руку и попыталась оттащить — хотелось просто уйти, раствориться в полумраке зала, где меня никто не заметит. Но она резко дернулась и крикнула:

— Уберись!

Я отступила, будто меня толкнули.

— Кхм... Так можно сфотографироваться? — снова мило проговорила Месса, держа телефон в руке. Ее улыбка не дрогнула, она вообще не стеснялась — будто весь этот мир был устроен специально для нее.

Я только и видела, как на них пялятся другие девушки, и от этого становилось еще тяжелее. Стояла где-то в углу, в темноте, стараясь стать невидимой.

Ян удивился поведению Мессы, повернулся и наконец заметил, что она не одна: рядом маячила я — тихая, незаметная, будто случайная деталь интерьера.

Ви внимательно изучал нас взглядом, и на его лице раздражение читалось так ясно, будто он вывесил табличку: «Не подходить». Он выдохнул, словно сбрасывая с себя эту ненужную суету, и залпом выпил коньяк.

— Простушка, — бросил он тихо, почти себе под нос.

Его друг лишь улыбнулся, будто все это было для него забавным спектаклем.

— Конечно, со мной можно, зови свою подругу — сфотографируемся вместе, — с легкой улыбкой произнес Ян, глядя на Мессу.

Татуированный откинулся на спинку дивана, закурил сигару и теперь уже с откровенным интересом рассматривал меня — блондинку, которая пряталась в тени. В его голове пронеслось: «А где привычно вау в нашу сторону?» Ведь хоть к ним и не подходили, но все равно все пялились. А тут еще и так смело попросили сфотографироваться. Если уж Ян позволял с собой фотографироваться, то Ви в чужих соцсетях никогда не светился. А если и находились смельчаки — их аккаунты взламывали, стирая все подчистую, оставляя после себя только пустоту и проблемы.

Месса посмотрела на Винсера и, закатив глаза, усмехнулась:

— Ну, а вы будто бы особенный. Такой же, как и все, просто при бабках.

Взглянув на друга Яна, она кивнула с улыбкой и подозвала меня. Я не спеша подошла, и, когда свет упал на меня, взяла телефон. Не поздоровалась, ничего не сказала — просто взяла и начала фотографировать, будто это была единственная вещь, которую я могла сделать правильно.

Но Месса остановила меня и хотела подозвать ближе, чтобы мы обе попали в кадр. Я лишь покачала головой — нет. Не хотела быть там, не хотела, чтобы меня видели рядом с ними, будто я тоже часть этой блестящей, но чужой жизни.

— Извините, она вас не знает просто, — быстро вставила Месса, сглаживая неловкость.

Я сфотографировала их, отдала телефон и быстро ушла к нашему столику. Благо он стоял так, что я могла сидеть спиной к ним и не видеть их лиц — да и видеть не хотелось. «Просто понторезы, ничего из себя не представляющие», — пронеслось у меня в голове, но даже эта мысль не грела, а лишь царапала изнутри.

Месса, поблагодарив за фотографии, улыбнулась и взглянула на Винсера:

— Противный.

Потом обратилась к Яну:

— А вам хорошего вечера.

Чуть кивнула в знак благодарности и тоже ушла за наш столик.

Я сидела, глядя в одну точку, и пыталась унять дрожь, которая то и дело пробегала по коже. Все это казалось какимто нелепым сном — ярким, шумным, чужим. И в этом сне я была лишней.

Глава 2

2 Глава.

Винсер Бартман.

«Новая игрушка. Придется постараться, чтобы выиграть».

На слова Мессы я лишь усмехнулся. Что уж там — какая-то сука бросила мне вызов. Ну, я не робкого десятка. В груди шевельнулось знакомое, почти приятное чувство азарта — тот самый яд, который бодрил лучше любого стимулятора.

Подозвал официанта кивком. Тот тут же подошел, кивнул в ответ, но по глазам было видно: слегка удивился. Впрочем, он тут же взял себя в руки — профессиональная выдержка у персонала в моем клубе была на уровне. Я не стал ничего объяснять: лишние слова тут были ни к чему.

Мы с Яном продолжали разговор, но теперь в нем появилась эта особая, хищная легкость — будто мы уже знали, что сейчас произойдет, и просто ждали подходящего момента. Я довольно потягивал напиток, слегка покачивая снифтер с коньяком в руке. Ян приподнял бровь, изучающе глядя на меня.

— Что ты задумал? — спросил он, не скрывая любопытства пополам с легкой тревогой. Он знал меня достаточно хорошо, чтобы понимать: когда я вот так усмехаюсь и качаю бокалом, добром это не заканчивается.

— А ты думаешь, я позволю какой-то суке, которая тут пьет за деньги своего папика, мне что-то против вякать? — спокойно бросил я, не сводя взгляда с их столика. Голос звучал ровно, но в нем сквозила та самая сталь, которая заставляла людей либо отступать, либо делать глупости.

— Ты собрался ее гордость подорвать? — Ян чуть наклонил голову, будто пытался разглядеть во мне хоть каплю сомнения. Но там ее не было.

— Именно. Самым отвратительным способом, — с легкой усмешкой проговорил я и снова бросил взгляд на их столик.

Блондинка — заинтересовала меня сильно. Не той дешевой притягательностью, которая мелькала в каждой второй девушке, а чем-то другим: в ней была дерзость, почти наглость, будто она сама верила, что может бросить мне вызов и выйти из этого невредимой. Эта самоуверенность цепляла, будоражила, злила. Хотелось сорвать ее, как надоевшую маску, и посмотреть, что прячется под ней.

Я сделал еще один неспешный глоток, чувствуя, как теплый огонь коньяка растекается по груди, смешивается с этим острым предвкушением. В голове уже складывался план — простой, безжалостный, идеально подходящий для того, чтобы показать ей, где ее место. И в то же время где-то на краю сознания мелькнула мысль: а вдруг она не сломается? Вдруг окажется крепче, чем кажется? Эта возможность добавляла игре особый, почти болезненный вкус.

Ян тихо вздохнул, будто смиряясь с неизбежным. Он знал: когда я так загораюсь, остановить меня почти невозможно.

— Только не устраивай здесь цирк, — пробурчал он, но в голосе не было настоящего протеста. Скорее, это была привычная попытка хоть как-то удержать меня в рамках приличий — пусть даже и формальных.

— Цирк — это когда кричат и машут руками. А я просто покажу ей, кто здесь хозяин, — спокойно ответил я, ставя снифтер на стол. Стекло тихо звякнуло о мраморную поверхность, и этот звук прозвучал как тихий сигнал к началу.

Я чуть наклонился вперед, позволяя себе ту самую долю мрачной уверенности, которая всегда действовала на людей сильнее любых слов. В зале было шумно, но для меня все будто

сжалось в одну точку — в тот столик, где сидела блондинка, в ее дерзкий взгляд, в эту игру, которую она сама начала и теперь не знала, как из нее выбраться.

*И я собирался показать ей выход — только совсем не тот, на который она надеялась.
Джулиет Фишер.*

Месса ужасно себя чувствовала — я заметила это почти сразу. Едва мы отошли от столика тех парней, она будто сорвалась с цепи: принялась один за другим глотать алкогольные напитки. Уже после пары бокалов по ее лицу разлился жар, в глазах мелькнуло легкое головокружение, а следом накатило дикое возбуждение — такое, что она начала смеяться без причины, дергано, нервно, будто сама себя не узнавала. Разум помутнел окончательно, и она перестала здраво соображать.

Я пыталась привести ее в себя: осторожно хлопала по щекам, но она лишь отмахивалась, смеялась и снова тянулась к бокалу. От этого становилось только страшнее. В панике я огляделась, скользнула взглядом по залу — и тут наткнулась на взгляд татуированного. Он смотрел прямо на меня, тяжелый, цепкий, будто считывал каждую эмоцию. Я поспешно увела взгляд, прикрыла Мессу собой, будто могла спрятать ее от этого внимания.

Аккуратно взяла ее за руку, подозвала официанта и быстро, стараясь не выдать, как я дрожу, показала ему телефон с надписью «можно счет, пожалуйста. И стакан воды», парень сразу кивнул и ушел за всем нужным. Приложила ладонь к ее лбу — кожа была горячей, почти обжигающей, а щеки пылали ярким, нездоровым румянцем. Месса все больше раскраснелась, движения стали резкими, порывистыми, будто внутри нее бурлила какая-то чужая энергия.

Когда принесли счет, я расплатилась кредитной картой, даже не глядя на сумму. Потом, крепко придерживая Мессу под руку, вывела ее на улицу. Свежий воздух ударил в лицо, но ей не стало легче — она лишь засмеялась, запрокинув голову, и чуть не упала.

В голове пронеслось: «Машина далеко, я не смогу ее провести до нее». Я достала телефон и написала ее парню. Осмотрелась, заметила неподалеку лавочку и потащила Мессу туда. Внутри все сжималось от беспомощности. Я даже толком водить не умела, а на такси денег не было. В голове крутилась дурацкая мысль: «Не зря про меня говорят, что я как с луны свалилась». Никогда ни с кем не целовалась, за рулем не была, готовить не умею... Сейчас все эти мелочи вдруг показались невыносимо тяжелыми, будто они делали меня совершенно непригодной для того, чтобы кому-то помочь.

Посадив Мессу на лавочку, я снова легонько похлопала ее по щекам, стараясь хоть немного вернуть в реальность. Она моргала, смотрела сквозь меня, а потом вдруг снова заливалась смехом.

Прошло, наверное, минут десять, но они тянулись бесконечно. И вот наконец с визгом шин рядом резко остановилась машина — Мэрэк, ее парень, примчался на дикой скорости. Он выскочил, одним движением подхватил Мессу, уложил на заднее сиденье и тут же накинул на меня, тыча пальцем, крича так, что слова били, как удары:

— Это ты ее сюда притащила! Ты виновата!

Я не отвечала — не могла. Просто стояла, сжав кулаки, и смотрела, как он захлопывает дверь, как машина срывается с места, увозя Мессу прочь.

Когда машина исчезла за поворотом, я осталась одна. Слезы сами собой покатались по щекам. Я вздохнула, обняла себя за плечи, пытаясь хоть немного согреться, и поправила волосы, которые растрепались от ветра. Частично я помнила маршрут, но, когда открыла карту и посмотрела, сколько идти до дома, сильно удивилась: три часа пешком.

Еще раз вздохнув, я крепче обхватила себя, будто это могло защитить от всего на свете, и пошла вперед — по узкой тропинке рядом с дорогой. По бокам тянулись аккуратные полянки, на которых росли разные цветы: белые, лиловые, желтые — они стояли ровными рядами, такие спокойные и правильные, будто принадлежали совсем другому миру. А я шла мимо, глядя только под ноги, и пыталась просто не рассыпаться на части.

Винсер Бартман.

— Наркотик вперемешку с виагрой для женщин, да еще и в хороших количествах... Я иду по головам и совсем не жалею никого, кто решил перейти мне дорогу — даже если это просто слова, — процедил я, глядя в сторону окон. В голосе не было ни капли сомнения — только холодная уверенность, ставшая за годы почти второй натурой.

Ян вздохнул, не сводя с меня тяжелого взгляда, и перевел глаза на городской пейзаж за стеклом.

— Ты жесткий. Знаешь же, что зависимость у нее потом будет, — тихо произнес он, будто пытался достучаться до какой-то забытой во мне крупы человечности. Потом снова посмотрел на меня, в его глазах читалась смесь усталости и немого упрека.

— А это меня как-то касается? — усмехнулся я, нарочно делая голос безразличным, почти скучающим. — Два этих продукта вперемешку вызывают дикуую ломку. Ты думаешь, я прощу ей ее пылкие слова в мой адрес?

Внутри все гудело от этой привычной, почти приятной злости — она была как топливо, которое заставляло меня двигаться дальше, не оглядываясь. Я уже понял: пора действовать. Как только они ушли, в голове щелкнуло — время пришло.

— Осталось только договор подписать с новым поставщиком, а после, видимо, проведу замечательную ночь, — произнес я с легкой интригой в голосе, глядя на свой sniffтер и лениво вращая его в пальцах. Стекло тихо позвякивало, и этот звук будто подчеркивал предвкушение, разлитое в воздухе.

Я отдал короткие, четкие указания своим людям: выяснить, где живет блондинка, проследить за каждым ее шагом. Мне не нужны были отчеты о погоде или цвете ее туфель — мне нужно было знать, как она дышит, когда засыпает, в какую сторону смотрит, прежде чем свернуть за угол.

Девушка не замечала слезки. Она шла по улице, наслаждаясь погодой, поправляя короткое платье. Каблуки давались ей нелегко, но она не показывала слабости — привыкла держать лицо. Придя домой, она рухнула на постель, быстро разделась и уснула, даже не обратив внимания на отражения фар в окнах. Машина, что стояла неподалеку, вскоре уехала, растворяясь в ночи.

Мне тут же прислали адрес. Я хмыкнул, едва сдерживая довольную усмешку. Сделка прошла максимально успешно — мы заключили контракт, слегка отметили, но я не позволил себе потерять контроль. Алкоголь лишь приглушал острые углы, но не размывал фокус. *Я знал про нее уже все. Мне навели про нее справки. Имя. Джулиет Фишер. Интересная у меня игрушка.*

А потом я дал еще одно указание: завтра отправить к ее дому курьера с цветами. Не для того, чтобы извиниться или впечатлить. Нет. Это был первый ход в игре, где правила диктовал я. Я прекрасно понимал: так просто желаемое не получить. Это игра, а значит, придется подстраиваться под ее правила — и тут же ломать их, перекраивая под себя.

В груди снова шевельнулось то самое чувство — азарт хищника, который наконец увидел цель. *Джулиет* стала моей новой игрушкой, и ее реакция на меня зацепила так сильно, что хотелось узнать получше, с чем именно я буду играть. Хотелось видеть, как ее уверенность будет трещать по швам, как она будет пытаться собрать себя заново — и как в итоге все равно окажется там, где я захочу ее видеть.

Я откинулся на спинку кресла, позволяя себе короткую паузу. Впереди была ночь, полная дел, и утро, которое начнется с ее имени на экране моего телефона. И я знал: она еще не понимает, во что ввязалась. Но скоро поймет. Очень скоро.

Глава 3

3 Глава.

Джулиет Фишер.

«101 пион. А тебя сложно не заметить».

Под утро я уже вовсю ходила по дому, собираясь в зал. Движения были резкими, будто я пыталась стряхнуть с себя остатки вчерашнего кошмара, но внутри все еще гудело от усталости и тревоги. Услышав звонок в дверь, я замерла на секунду, потом взглянула на нее, будто она могла подсказать, кто там стоит. Подойдя, открыла.

На пороге стоял курьер, а в руках у него — огромный букет. Пионы. Сто один пион. От их тяжести у него даже плечи чуть опустились, но он улыбался, будто ему нравилось быть частью чего-то красивого. Я смотрела на цветы и не могла пошевелиться: мне никогда не дарили таких букетов. Максимум — одна розочка, да и та в шутку. А тут — целая гора нежных лепестков, запах, который сразу заполнил коридор, и ощущение, будто мир вдруг решил напомнить, что в нем бывает что-то хорошее.

«Маме что ли по работе отправили?» — пронеслось в голове. Я перевела взгляд на курьера, все еще не веря, что это для меня.

И тут сзади раздался строгий, тяжелый голос отца:

— Что это?

Я вздрогнула и обернулась. Он стоял в проеме, прямой, будто натянутая струна, и смотрел на эту картину так, словно видел не цветы, а угрозу. Его взгляд скользнул по мне, задержался на ногах — я знала, что они натерты от каблуков, и сейчас эта деталь почему-то казалась ужасно стыдной, будто выдавала меня целиком.

Я покачала головой, не зная, что сказать, и снова посмотрела на курьера. Достала телефон, быстро напечатала сообщение и показала ему экран:

«Извините, а вы не ошиблись? Никто цветы не заказывал».

Курьер улыбнулся чуть шире, будто эта неловкость его забавляла:

— Если вы Джулиет Фишер, то это вам доставка.

Отец перевел взгляд с меня на букет, потом снова на меня — и в этом взгляде не было ни тепла, ни любопытства, только холодная настороженность. Он шагнул вперед, взял цветы — мол, «они тяжелые» — и, не говоря ни слова, унес их на кухню.

Я расписалась в документах, снова набрала сообщение и показала курьеру:

«От кого цветы?»

Мне хотелось услышать хоть какое-то имя, чтобы зацепиться за него, понять, кто решил ворваться в мою жизнь таким ярким, но пугающим жестом.

Курьер пожал плечами:

— Отправитель неизвестен.

И правда: в букете была только записка. Короткая, без подписи: *«А тебя сложно не заметить».*

Комплимент, странный и какой-то слишком точный. Будто тот, кто его написал, видел не просто девушку в клубе, а именно меня — мою неловкость, мое желание стать невидимой, и все равно решил, что я достойна того, чтобы меня заметили.

Я улыбнулась курьеру, кивнула и прикрыла дверь. В груди теснилось что-то похожее на радость, но оно тут же разбилось о реальность: на кухне стоял отец с запиской в руках, и лицо у него было таким, будто он держал не клочок бумаги, а бомбу.

— Сидишь дома. Никаких отношений, — рявкнул он, и от этого голоса по спине пробежал ледяной озноб.

Он взял букет и вышел на улицу. Я метнулась за ним, сердце колотилось где-то в горле. Когда он швырнул цветы в мусорную урну, я застыла, глядя на то, как нежные лепестки, еще минуту назад такие живые и красивые, теперь лежат среди мусора. Это было не просто обидно — это было как удар в самое уязвимое место. *Я так люблю цветы... Для меня они — не роскошь, не показуха, а что-то теплое, что может согреть даже в самый серый день. И вот теперь они валялись в урне, испорченные, ненужные.*

Отец порвал записку прямо у меня на глазах и бросил обрывки следом.

— Никаких отношений, — повторил он и ушел к себе, оставив меня одну с этой тишиной, которая вдруг стала оглушительной.

Слезы покатались по щекам, но я не дала им разрастись в рыдания. Вместо этого схватила сумку с вещами, бросила в нее то, что под руку попало, взглянула на время и побежала к остановке.

Автобус как раз подъезжал. Я влетела в него, плюхнулась на первое попавшееся место и только тогда смогла выдохнуть. В груди все еще кололо, а перед глазами стояла картина: отец швыряет букет, и лепестки разлетаются, как осколки чего-то важного.

Телефон завибрировал — отец звонил. Я выключила его, надела наушники и уставилась в окно. Мимо мелькали дома, деревья, люди — все такое обычное, будто ничего не случилось. А у меня внутри все перевернулось.

Пыталась вспомнить вчерашний вечер, прокрутить его кадр за кадром, чтобы понять, кто мог отправить эти цветы. В голове снова и снова всплывал взгляд татуированного парня — тяжелый, цепкий, будто он считывал меня до последней детали. Но нет, вряд ли это он. Он не из тех, кто дарит сто один пион и пишет загадочные записки. В нем чувствовалась другая жестокость — прямая, без намеков.

А значит, оставался кто-то еще. Кто-то, кто наблюдал, кто заметил, как я пряталась в тени, и все равно решил вытащить меня на свет. И от этой мысли становилось одновременно и страшно, и странно тепло — будто кто-то увидел меня настоящую, даже когда я изо всех сил старалась быть незаметной.

Винсер Бартман.

«Это игра, значит придется подстраиваться под правила игры».

Просыпаться по утрам я особо не люблю. Вот и сейчас, едва приоткрыв глаза, я еще несколько минут просто лежал, стараясь не шевелиться, будто если не двигаться — день не начнется. Голова слегка гудела: вчера я немало выпил, да и вообще такие будни у меня — сплошная череда вечеров, где грань между «достаточно» и «слишком» давно стерлась.

Старался ни о чем не думать, просто прийти в себя. Потом все же поднялся и сразу направился в душ. Теплая вода смывала остатки сна и вчерашней усталости, но не могла смыть ту внутреннюю тяжесть, которая всегда возвращалась, стоило только выйти изпод струй воды. Оделся и поехал в спортзал — это было моим способом сбросить лишнее. Когда есть свободное время, я всегда туда еду. Бокс, спарринги — все это давало тот самый выброс энергии, который помогал заглушить мысли, что крутились в голове, как заезженная пластинка.

Приехав, лениво прошел в раздевалку, переоделся и вышел в зал. Надел наушники, погружаясь в привычный ритм разминки. Разминал бицепс, концентрируясь на каждом движении, на каждом ощущении в мышцах. Мир вокруг будто сужался до этих простых действий: вдох, выдох, напряжение, расслабление. Через двадцать минут я уже перешел к другому тренажеру, продолжая методично разогревать тело.

Постепенно возле ринга начала собираться толпа. Сюда стекались те, кто хотел испытать себя, проверить свои силы или просто посмотреть, как другие делают то, на что сами не решились. Я молча подошел в сторону, начал мотать бинт на руку, тяжело выдохнул и снял наушники. Перед мной стоял Ной — качок, мышцы мощнее моих, будто отлитые из стали. Но я знал: здесь не игра в то, у кого круче рельеф. Здесь решает техника.

— И так, в правом углу — Ви. А в левом — Ной. Ну, давайте, пацаны, покажите техничный бой, — прозвучал голос рефери, и кто-то ударил в колокольчик.

Сначала повисла тишина — зал замер, выжидая, кто сделает первый шаг. Мы с Ноем не спешили. В этом тоже была часть игры: заставить соперника нервничать, ждать, пока он сорвется. И он сорвался — первым пошел вперед, полагаясь на силу и массу. Но я вовремя ставил блоки, не давая пробить защиту. Его скорость подводила, техника хромала, а я просчитывал каждое движение, будто играл в шахматы, где на раздумья — доли секунды.

Потом пришла моя серия. Минутный шквал комбинаций: точные джебы, плавные апперкоты, быстрые левыйхук — каждое движение было отработано до автоматизма. Я не махал руками наугад. Для меня рукопашный бой — не просто спорт, а необходимость: с моим бизнесом умение постоять за себя — базовый навык, такой же обязательный, как умение вести переговоры или считать деньги.

Ной начал уставать — на его лице мелькнул тот самый слабый, огорченный блеск, когда понимаешь, что проигрываешь не из-за нехватки силы, а из-за недостатка мастерства. На последних секундах боя я, точно и будто играючи, нанес последний сокрушительный удар правой. Ной оказался на полу — выбитый из равновесия, опустошенный.

Зал взорвался криками и аплодисментами. Меня поздравляли не за грубую силу, а за технику, за изящество, с которым я переиграл соперника, за умение тратить минимум усилий, чтобы добиться максимума результата. Но для меня это был не просто бой — это был способ напомнить себе и всем вокруг, кто здесь главный.

Когда прозвенел колокол, я не стал добивать Ноя. Дал ему отдышаться, а потом мы пожали друг другу руки — помужски, без лишних слов. Легкие синяки останутся, это ожидаемо, но это не важно. Я отошел к тренажерам, чтобы еще немного позаниматься, прежде чем ехать домой.

Через пару минут я почувствовал на себе чей-то взгляд. Не сразу отреагировал, прикрыл глаза и продолжал разбинтовывать руки. Потом легкий толчок в бок заставил меня приоткрыть глаза. Подняв голову, я встретился взглядом с девушкой. Она стояла передо мной, испуганная, моргала длинными ресницами, будто сама не понимала, как здесь оказалась.

«А моя цель сама меня отыскала. Что ж», — усмехнулся я про себя, наблюдая за ней. Слегка наклонил голову вбок, закончил разбинтовывать бинты и мельком глянул на костяшки — они слегка пострадали, но я не обращал на это внимания. Боль была привычной, почти родной.

— Пионы и в правду красивые были? — спросил я, надевая свою самую обаятельную улыбку. Я ведь чертов сердцеед — знаю, что внешность мой главный козырь. Но не это меня цепляет. Меня цепляет азарт, игра, то чувство, когда ты ведешь партию и видишь, как соперник пытается найти выход, которого нет.

Она посмотрела на меня, и когда я упомянул пионы, испуганно сделала шаг назад — а потом быстро убежала. Такой реакции я не ожидал. Со мной редко так поступали. Обычно девушки тянулись, пытались удержать взгляд, искали повод задержаться. А эта сбежала, будто я был опаснее, чем любой противник на ринге.

«Игра будет трудной», — подумал я, и от этой мысли внутри что-то приятно шевельнулось. Трудность делала охоту интереснее.

Сходил в душ, переоделся в обычную одежду, закинул спортивную форму на заднее сиденье машины. Хотел уже уехать, но заметил ее на остановке. Остановился, опустил стекло.

— Может, подвезти? Автобус, я смотрю, не собирается ехать, — произнес я, бросив взгляд на экран с часами, хотя на самом деле понятия не имел о расписании автобусов. Просто первое, что пришло в голову.

Девушка замешкалась, потом, будто приняв какое-то решение, развернулась и пошла в сторону кафе. Я вздохнул, пожал плечами и поехал на работу. Пусть уходит. Пусть думает, что ускользнула. Это только добавит остроты. Игра только начиналась.

Через пару часов.

Джулиет Фишер.

Я гуляла с Мессой, мы снимали видео и выкладывали в профиль, успев заодно походить по магазинам. Воздух был теплым, город шумел привычно и уютно, и на пару часов мне даже удалось забыть про все, что навалилось в последние дни. Я крутилась перед витринами, примеряла вещи, смеялась над чем-то, и в эти минуты казалось, будто я самая обычная девушка — без тяжелых тайн, без неловких секретов, без отца, который рушит все, до чего дотрагивается.

На мне было красное платье и черные каблуки — они хоть как-то добавляли роста, но сейчас, среди витрин и прохожих, этот наряд казался какой-то нелепой причудой. Будто я пыталась стать заметнее, хотя всю жизнь училась быть незаметной.

В какой-то момент Месса резко дернула меня за руку и, широко распахнув глаза, показала в сторону кафе:

— Смотри!

Я проследила за ее жестом и, увидев парня, замерла. Он был мне уже знаком — не по разговорам, не по историям, а по тому странному, колючему ощущению, которое появлялось каждый раз, когда его взгляд скользил по мне. И вот он сидел там, в полутени у окна, будто сам был частью этой тени, слишком плотной и тяжелой, чтобы ее можно было просто стряхнуть.

Я удивленно посмотрела на него, потом на подругу. Месса, не дожидаясь ни вопросов, ни возражений, ловко забрала у меня пакеты и подтолкнула вперед — так уверенно, будто знала, что мне это нужно даже больше, чем я сама.

Подойдя к парню со спины, я на секунду остановилась, собираясь с духом. Потом аккуратно дотронулась до его плеча — всего на миг, кончиками пальцев, — и тут же убрала руку, будто обожглась.

Когда он чуть повернулся, я заметила костяшки его пальцев — они были сбиты, в засохшей и свежей крови, будто совсем недавно он сжимал кулаки так сильно, что кожа не выдержала. Не думая, я осторожно взяла его свободную руку, чтобы рассмотреть получше, провела взглядом по этим ранам, по трещинам на коже, по темным пятнам, которые не смывались. А потом так же тихо отпустила.

Достала телефон, быстро набрала сообщение и показала ему экран:

«Привет. Хотела поблагодарить за пионы, но не стоило — отец их все равно выкинул. Прости, что убегала. Было стыдно сообщить о том, что я немая. Я все слышу, понимаю, но говорить не могу совсем. Как твои руки? Ты же их даже не обрабатывал. Можно я помогу тебе?»

Закончив, я чуть улыбнулась краешками губ — не широко, не так, чтобы это выглядело как приглашение, а просто чтобы показать: я не боюсь, я хочу помочь. И, не отрывая взгляда, смотрела на его руки, будто в этих ссадинах пряталась какая-то важная правда о нем.

Он прочитал сообщение, и по его лицу скользнуло что-то странное — не раздражение, не удивление, а будто тень того, что он обычно прятал глубоко внутри. Я убрала телефон и продолжала смотреть на него, ожидая хоть какого-то знака: кивка, жеста, любого намека на то, что он меня понял, что ему не все равно.

Винсер Бартман.

Я стоял и спокойно курил сигару, позволяя дыму лениво тянуться вверх, растворяясь в прохладном воздухе. В такие моменты мир будто становился чуть тише, а все эти мелкие проблемы — незначительными. Но стоило кому-то тронуть меня за плечо, как я резко повернулся — сначала с тем самым убийственным взглядом, мрачным и холодным, который всем своим

видом говорил: «Только попробуй сделать лишнее движение». В нем была не просто угроза — в нем читалась готовность действовать, не раздумывая.

Но, увидев девушку, я тут же расслабился. Напряжение, стягивавшее плечи, медленно ушло. Уголками губ я позволил себе легкую улыбку — не ту, что предназначалась для всех, а ту, что появлялась, когда я понимал: сейчас начнется что-то интересное.

Пока она писала сообщения в телефоне, я попросту осматривал ее, скользя взглядом по деталям, которые раньше не замечал. И снова подумал: не зря я тогда выбрал ее как новую игрушку. В ней было что-то, что цепляло, заставляло возвращаться взглядом снова и снова.

— Ничего страшного касемо цветов. Могу хоть сто таких букетов заказать. Думаю, отец устанет их выносить, — спокойно произнес я, глядя на свои руки, будто эти слова не имели никакого веса. — Да и то, что ты немая, это я тоже знаю. Догадался еще в клубе.

Докурил сигару и небрежно выбросил окуроч. Что ж, если ради достижения цели нужно побыть «хорошим мальчиком» — пусть будет так. Я умел надевать нужные маски, когда это было выгодно. Правда, находиться рядом с ней становилось все тяжелее: мой испорченный характер боролся с диким желанием, которое вспыхивало каждый раз, стоило ей оказаться поблизости. Приходилось держать себя на коротком поводке, не позволять эмоциям брать верх. Это было непривычно — и оттого еще притягательнее.

— А это... Как хочешь. Я даже внимания не обратил на руки, — равнодушно бросил я, хотя краем глаза все же скользнул по ее движениям.

Девушка задумалась, чуть улыбнулась, услышав про цветы, и тут же отмахнулась рукой — мол, не надо. Потом ее взгляд метнулся к моим рукам, а затем — к аптеке неподалеку. Она посмотрела в сторону Мессы и жестом показала, чтобы та пошла туда. Потом, не говоря ни слова, аккуратно взяла меня за руку и повела в кафе.

Внутри она усадила меня за дальний столик, подальше от чужих взглядов. Написав что-то в телефоне, показала мне экран:

«Посиди тут, я сейчас приду».

Подойдя к кассе, она заказала бутылку воды и жестом указала на наш столик. Оплатив, тут же направилась к аптеке. Вернулась через несколько минут, неся с собой перекись водорода, крем, пластыри и ватные диски. Поставив все на стол, она взяла бутылку, вылила немного воды на ватный диск и, взяв мою руку, положила ее на стол.

Ее движения были уверенными, спокойными, будто она делала это не в первый раз. Аккуратно убрала остатки крови, потом прошлась по ранам перекисью. Я едва заметно поморщился, но не отдернул руку — слишком уж завораживало это сочетание ее хрупкости и решимости. После она смазала раны кремом и заклеила самые большие пластырем. Собрав использованные диски, выбросила их в мусорку, села обратно и, улыбнувшись, протянула мне оставшиеся вещи.

— Тебе пригодится, — написала она на бумажке, которая лежала рядом, и чуть склонила голову, будто проверяя, все ли в порядке.

Я молча взял пакет с медикаментами, кивнул. В груди шевельнулось что-то странное — не то благодарность, не то удивление от того, что кто-то вообще обо мне позаботился.

— А как ты обо мне узнал? — написала она чуть ниже, глядя на меня своими внимательными глазами.

— Винсер Бартман. Мне же нужно было узнать, кто подходил к нам фотографироваться. Вот и узнал и про твою подругу, и про тебя информацию, — спокойно ответил я, не отводя взгляда.

После этих слов она вдруг резко встала, кивнула мне на прощание и быстро ушла. Ее движения были резкими, почти нервными, будто она пыталась сбежать от чего-то.

Я смотрел ей вслед, и в груди поднималось раздражение — эта ее «противность» бесила. Но я не собирался бежать за ней, предлагать что-то или уговаривать. У меня были другие дела, другие планы. Пусть уходит. Пусть думает, что поставила точку.

А я знал: это только запятая. Игра продолжалась.

Джулиет Фишер.

Придя через полтора часа домой, я тихо приоткрыла дверь — и тут же наткнулась на грозный взгляд отца. Он стоял в прихожей, будто караулил, и в его глазах читалась такая тяжесть, что даже взгляд Винсера, каким бы мрачным он ни был, теперь казался почти безобидным.

Я подошла, оставила сумочку на тумбе и посмотрела на него — не с вызовом, а с той усталой покорностью, которая появляется, когда заранее знаешь, что любые слова будут вывернуты против тебя.

— Ты была с парнем, да? — прозвучало не как вопрос, а как обвинение.

Пальцы дрогнули, набирая сообщение в телефоне. Я старалась печатать ровно, не выдавать, как внутри все сжимается от несправедливости этого тона.

«С однокурсником», — показала ему экран.

Он хмыкнул, почти зло, и голос его стал еще жестче:

— С каким, блять, однокурсником! Ты никогда ни с кем не общалась, а сейчас вдруг решила.

Мне было невыносимо трудно писать, когда на меня кричали. Каждое слово будто давалось с усилием, выцарапывалось из груди. Но я знала: если заплачу, станет только хуже. Отец не терпел слез — они его раздражали, делали еще более беспощадным. Поэтому я глотала ком в горле и снова тыкала в экран.

«Кто это сказал?» — написала коротко и снова подняла глаза.

Отец нервно цокнул, будто я намеренно тянула время, чтобы его позлить.

— Месса твоя.

Я снова уткнулась в телефон. Пальцы чуть подрагивали, но я упорно выводила буквы.

«Пап, мы просто посидели в кафе. У него руки травмированы были, я помогла — и все».

Он смотрел на меня так, будто эти слова не имели никакого смысла, будто он слышал только то, что хотел слышать.

— В комнату иди и не попадайся мне на глаза.

Слезы все-таки прорвались, но я не дала им потечь ручьем. Быстро напечатала еще одно сообщение, показала ему, надеясь, что хоть сейчас он услышит не шум, а смысл:

«Да когда же ты поймешь, что мне не 15 лет, а 22! Я совершеннолетняя! Я могу делать что хочу, а ты меня держишь как в клетке, все запрещаешь! Все в моем возрасте уже имели отношения, все хотя бы целовались! А я как с другой планеты спустилась. Я даже никогда никого не целовала, а ты сейчас стоишь и орешь на меня. Делайте что хотите, мне надоело».

Положила телефон на тумбу, словно сбрасывая с себя эту последнюю попытку объясниться. Потом, не глядя на отца, поднялась к себе в комнату. Там быстро, но без суеты, начала собирать вещи. Брала только самое нужное: одежду, косметику — то, без чего не прожить хотя бы пару дней.

Спустившись вниз, я на секунду замерла у входной двери. Сердце колотилось где-то в горле, а в голове крутилась мысль: *«Это действительно происходит. Я ухожу из дома»*. Потом решительно захлопнула дверь — и будто отрезала этим звуком часть своей прежней жизни.

Сразу написала Мессе. Она тут же ответила, что вызовет такси, и сказала ждать ее дома. Сев в машину, я наконец дала волю слезам. Они лились тихо, без всхлипов, просто стекали по щекам, оставляя мокрые дорожки. Вход в родной дом теперь казался закрытым навсегда. А долго жить у подруги не получится — значит, впереди меня ждет что-то совсем новое: поиски работы, попытки встать на ноги, жизнь, где я сама должна принимать решения и нести за них ответственность.

Когда приехала к Мессе, она сразу обняла меня, погладила по голове, будто хотела забрать хоть часть этой боли. Ее парень уехал в Италию по работе, так что какое-то время я могла побыть здесь, почувствовать себя хоть немного в безопасности.

— Милая, прости... А как все-таки ваша встреча прошла? — тихо спросила она, усаживая меня на диван.

Я уткнулась взглядом в свои колени и, собравшись с силами, напечатала в заметках телефона, а потом показала ей:

«Нормально, но я выглядела как полная дура. Я никогда с мужским полом не разговаривала нормально, только с семьей. Наверное, он подумал, что я дура, и все. Большие мы точно не встретимся».

Месса ничего не сказала — просто аккуратно стерла слезы с моих щек, провела ладонью по волосам, как мама делает, когда хочет утешить.

— Давай ляжем спать, ты вся в истерике, — прошептала она.

Она уложила меня, накрыла одеялом, подоткнула его по бокам, будто хотела защитить от всего мира. Потом тихо ушла к себе. Я лежала, глядя в темноту, и пыталась унять дрожь, которая никак не хотела уходить.

Постепенно усталость взяла свое. Глаза закрылись, мысли стали расплываться, и я провалилась в сон. А Месса, убедившись, что я уснула, тоже легла и вскоре задремала, надеясь, что к утру хоть что-то станет чуть легче.

Глава 4

4 Глава.

Винсер Бартман.

«Я буду осторожен».

Через время я уже был в клубе — в VIP-комнате, где мы с Яном выпивали и курили травку. Атмосфера была привычной: приглушенный свет, тяжелый бас из колонок, ощущение, что за стенами этого зала весь мир может гореть — мне было все равно.

— Ну что, как у тебя с той блондинкой? — спросил Ян, глядя на меня с этой своей полуулыбкой, в которой читалось и любопытство, и легкая усталость от моих выкрутасов.

— На контакт нормальный не идет. Смысл мне за ней бегать? Я такое не люблю, — четко проговорил я и залпом допил остатки коньяка. Вкус был терпким, обжигающим — как раз то, что нужно, чтобы загнать лишние мысли куда подальше.

— Прямо настолько? Ну да, ты не особо любитель таких долгих игр, — протянул он, качая головой.

— Я за курицами не бегаю и не ухаживаю, — спокойно отрезал я, хотя внутри уже начал шевелиться знакомый азарт: чем сложнее добыча, тем слаще победа.

— Блять, Ви, Онли — не курица. У нее есть имя.

Я только хмыкнул. Эти моральные лекции от Яна были такими же привычными, как запах дорогого табака в клубе. Он пытался меня вразумить, а я просто не видел в этом смысла. Зачем усложнять, когда можно взять простое и быстрое решение?

— Да, да, я помню про имя, — махнул рукой. — Но суть от этого не меняется.

Остаток вечера я провел, как привык: расслабленно, уверенно, без лишних терзаний. Подцепил брюнетку — симпатичную, с дерзким взглядом и такой же дерзкой улыбкой. Никаких сложностей, никаких ожиданий. Все было ровно так, как мне нравилось.

Мы ехали в сторону отеля. У меня было железное правило: ни одну женщину я не приводил ни в один из своих домов. Лучше потратить деньги на люкс в хорошем отеле, чем позволить чьему-то запаху осесть на моей территории. Это было не снобизмом — это была защита личного пространства, той самой крепости, куда никто не должен был проникать без моего разрешения.

По дороге я краем глаза заметил знакомую фигуру: *светлые волосы, знакомый силуэт. Даже сквозь пелену алкоголя и легкого кайфа мозг тут же выхватил ее из толпы. Блондинка. Та самая.*

Не задумываясь, резко завернул за угол и остановил машину. Она как раз лезла мне в штаны — та, другая, брюнетка, с которой я ехал. В тот момент меня это только раздражало.

— Вышла, — коротко бросил я, голос звучал жестко, почти безэмоционально.

— Чего? — она обернулась, будто не поняла.

— Вышла, блять, я сказал! — повысил тон. Она вздрогнула, только сейчас будто осознав, что на улице льет как из ведра.

— Но там ливень...

— Да мне плевать, что там. Вышла, блять! — рывкнул я. Она дернулась, бросила на меня злой взгляд, обозвала козлиной и выскочила, тут же промокнув до нитки.

Я резко тронулся, подрезал машину, которая ехала прямо за ней, и сравнялся с водителем, опустив стекло. Тот сразу узнал меня — глаза расширились, лицо побледнело.

— Извините, уезжаю, — быстро проговорил мужчина и, развернувшись, рванул прочь, будто за ним гнались демоны.

А я снова смотрел на блондинку. Она ускорялась, будто пыталась убежать не только от дождя, но и от самой себя. Я подъехал, остановился и громко крикнул:

— Эй, садись в машину! На улице ливень!

Она замерла на секунду, потом все-таки подошла, села и сняла капюшон. Лицо было мокрым, ресницы слиплись, а в глазах стояли слезы — то ли от дождя, то ли от чего-то глубже. Она хотела что-то написать, но телефона не было. Тогда я молча положил ей на колено свой рабочий телефон — тот, которым пользовался только для звонков. Не любил, когда кто-то трогал мои вещи, но сейчас почему-то не возражал.

Она быстро напечатала:

«Спасибо, что помог. Ты же пьяный, тебе нельзя за руль... Вдруг тебя поймут. Давай остановимся, прошу».

Я понял: она почувствовала запах перегара. Вдохнул, отмахнулся, будто это все не имело значения. Но когда она положила руку мне на плечо и легонько погладила, меня будто током прошибло. Крыша едва не поехала.

— Все хорошо. Я друга подвозил, в машине еще не проветрилось. Я трезвый, — спокойно соврал я, хотя сам себе не верил.

Проехав немного, я остановился и полез в телефон, чтобы найти отель. Только не тот, в который обычно ездил. Сегодня хотелось чего-то нового, как будто сам этот вечер должен был быть другим.

Блондинка наклонилась ко мне и вдруг легонько коснулась губами моей скулы — так невесомо, что я сначала даже не поверил, что это произошло. Потом положила голову мне на плечо. Я громко вздохнул, пытаясь удержать себя в руках, не сорваться.

Она взяла мой телефон и начала искать отель. Обычно я терпеть не мог, когда кто-то лазил в моих вещах, но сейчас не протестовал. Совсем.

Когда она приподняла мое лицо своими тонкими пальцами и провела ноготками по шее, я прикрыл глаза. В груди все сжалось, а тело отозвалось так остро, что стало почти больно. Я нервно сглотнул, чувствуя, как нарастает напряжение.

Сначала я проверил ее реакцию на мои прикосновения — легкое касание бедра, едва ощутимое, чтобы понять, не испугается ли. Она не испугалась. Наоборот, чуть подалась вперед. Тогда я потянул ее к себе, слегка сжав бедро, и выдохнул горячим дыханием ей в шею.

Она сняла кофту, и я провел ладонью по ее талии, медленно, будто запоминая каждый изгиб. Когда она потерлась носиком о мой, я прикрыл глаза и просто сидел, сдерживая себя из последних сил.

Потом она слегка выгнулась, обняла меня за шею, и я, усмехнувшись, поехал в сторону отеля, понимая: она меня провоцирует, играет со мной, и от этого азарт только разгорался. Как мы добрались до отеля — не помню. Все слилось в один туманный, горячий поток.

Номер я выбрал быстро, почти на автомате, и вел ее за руку прямо к двери. Когда мы зашли, она сразу взяла телефон и что-то написала. Я стоял у двери, смотрел на нее и ждал. Прочитав сообщение, я слегка удивился, потом хмыкнул, довольно и чуть мягче, чем обычно.

Аккуратно подхватив ее за бедра, я посадил ее на комод и приблизился к шее. Мои движения были медленными, почти осторожными. Потому что в одном я был тверд и непреклонен: *если у нее это впервые — я не имею права сделать это чем-то грязным, быстрым, бездушным.*

— Я тебя понял. Буду аккуратен, — проговорил я хриплым голосом ей на ухо, слегка прикусив мочку, и плавными движениями провел руками по внутренней стороне ее бедра, внимательно следя за каждой ее реакцией.

Да, я был козлом. Мразью. Сукиным сыном. Обо мне говорили все, что только можно придумать. Но была одна черта, которую я никогда не переступал: *я никогда не брал девушку*

силой. Никогда. Это была моя единственная граница, которую я не нарушал ни при каких обстоятельствах.

И сейчас, в этом номере, я собирался доказать не ей — себе, что даже в своей испорченности могу быть бережным. Что даже я способен на что-то, кроме разрушения.

Джулиет Фишер.

Посмотрев на него, я чуть ахнула от удивления и обвила его шею руками. На поцелуй лишь приподняла голову и прикрыла глаза, а также чуть повернула вбок, чтобы не сильно мешать и вдруг его не ударить.

Посмотрев на парня, я гладила его аккуратно по шее и затылку, а когда он начал прикасаться к моей внутренней части бедра, то чуть раздвинула бедра и, поелозив на месте, показала тем самым, чтобы делал что хочет. Я доверяла ему, хоть и знала его пару дней, но мне казалось, что он тот человек, которому можно довериться. Его красивые карие глаза меня околдовали.

Вернув голову в привычное положение, я осмотрелась и попыталась найти что-то, где можно писать, но увидела только телефон и, взяв его, написала:

«Я тебе полностью доверяю, делай, что считаешь нужным. Такие красивые глаза не могут сделать больно».

Улыбнувшись, я взглянула на него и, отложив телефон, чуть прижала парня к себе ближе. Поцеловала пару раз короткими поцелуями его в скулы и водила очень аккуратно руками ему по спине, чтобы не сильно царапать, но для удобства держалась крепче за него.

Ви плавно целовал меня в разные места, а после плавно стягивал мою одежду. Делал так, чтобы не смущать меня. Он делал плавные движения и совсем не торопился. Устроившись поудобнее между моих ног, он грубым движением двинул меня к себе и, гулянув рукой по моей внутренней части через ткань одежды, плавно водя по чувствительным зонам.

Все так же заводил меня и дразнил, оттягивая время специально. Он наверняка любит, когда девушки под ним тают, все же парень не один должен получать удовольствие. Он, водя пальцами рядом с чувствительными зонами, аккуратно и плавно вошел в меня пальцами, давая возможность привыкнуть к таким ощущениям, а одновременно с этим повернул мою голову, поцеловав губы. *Требовательный поцелуй, но четко давал понять, как вообще это делается. Он губами чуть тянул меня к себе, и я сразу все интуитивно поняла и поддалась его поцелую, соприкасаясь его губами со своими.*

Чувства внутри переполняли. Поцелуй, который сводил с ума. У него такой потрясающий парфюм, я таяла от него, от его аромата, от его плавности, от его желания ко мне, ведь это чувствовалось. Когда он зашел, то чуть дернулась и простонала ему в губы, слегка сжимая ноготками его спину.

Винсер — это мужчина, которого я хочу прямо сейчас, прямо здесь, несмотря на запреты. Мы рядом, и я хочу продлить этот момент как можно дольше. Ощущать друг друга как единое целое — не это ли важно?

Понимая, что для моего первого раза мне будет не особо удобно находиться в таком положении, он легким движением меня подхватил за бедра, а после чего переместился со мной на кровать.

Целуя меня в шею и покрывая поцелуями тело, парень аккуратно подготавливал меня к моменту X, так сказать, «затуманивал мозг новыми ощущениями», так же подготавливая.

На самом деле, Ви не умеет быть нежным и осторожным, он грубый в постели, и ему даже тяжело себя сдерживать сейчас.

Посмотрев на него, я обхватила его шею руками и, оказавшись на кровати, взглянула на него слегка кокетливо, с улыбкой. Как только он стал целовать, прикрыла глаза и просто наслаждалась моментом, пыталась ему не мешать и просто гладила его спину. Через футболку было это неудобно делать, и, чуть оттолкнув паренька от себя, поднялась на локтях и сняла с него футболку. Откинув ее в сторону, легла обратно и притянула Ви за руку к себе.

Моментами я уже вовсе не соображала, чувствовала себя как будто пьяная, потому что ничего не соображала и как в тумане все было, да и напивалась я только один раз, и то это нельзя было назвать сильным опьянением.

Парень даже с моей инициативы усмехнулся, все же я стала более уверенной, поэтому стянул с себя оставшуюся одежду, мы с ним остались равны.

В моменте парень, отвлекая поцелуями, вошел. Он понимал, что мне будет крайне неприятно, все же, как бы он ни подготавливал меня, его член куда больше и толще, поэтому, как только он вошел, сразу же замер. На самом деле, ему контроль тот еще нужен, чтобы парень не слетел с катушек. Он так себя держал в руках, ему было тяжело на самом деле.

Пока он отвлекал меня поцелуями, я совсем и не обратила внимание, как он разделся, почувствовала только в моменте его в себе и, вскрикнув от боли, выгнулась. Схватила одной рукой за простынь и сжала ее, а другой рукой держалась за спину Ви и царапала его, только в моменте резко свою руку, которая была на спине парня, переложила ее ему на руку и крепко держала, чтобы не выходил. *Завтра уж точно с кровати я не встану, поняла это практически сразу.*

Откинув голову назад, взяла его за руку и чуть поглаживала, пытаюсь самой успокоиться. Мне и не хотелось, чтоб мои стоны слышали другие, для меня это было позором. *Услышав в моменте, как громко я стонала, то испугалась, что нас могут засечь и мы будем мешать людям, но моего партнера это в данный момент не интересовало совсем.*

Винсер Бартман.

Я утешал ее всячески, целовал в шею, стараясь как-то переключить ее внимание. Когда я все планировал, то не думал, что девушка без опыта. Для меня это все еще было испытанием, но я держался как мог и попросту не давал себе лететь с катушек.

Через пару минут она уже чуть начала привыкать и, отпустив мою руку, держалась за простынь, сопровождая каждый мой толчок достаточно тихими стонами.

Как только она привыкла, я достал из брюк, которые лежали рядом, презерватив, вышел и легким движением открыл и надел защиту. *Да, даже если я буду в стельку пьян или еще вместе с этим наркотиком, я все равно надену защиту. Я не хочу каких-то там детей, ведь для меня это лишнее. Не планирую заводить семью или какой-то там брак.*

Поэтому, зайдя уже в нее в защите, я начал потихоньку двигаться. Крышу у меня сносило, я держал себя, чтобы не плюнуть на эту нежность и не начать грубость, но рвано дышал и тихо проговорил ей на ушко:

— Киса, твои стоны крышу сносят попросту.

Джулиет Фишер.

Хоть я и немая, но лечусь и потихоньку пытаюсь вернуть голос, поэтому могу издавать звуки, хоть и недолго и тихо, потом долго отхожу от этого. Достаточно больно дается каждый звук, но я понимала, что парню это важно, ведь на мои стоны он реагировал с улыбкой и сопровождал это поглаживаниями по голове. Благо у меня не было никакой крови, по рассказам Мессы, а то ужасно волновалась по этому поводу. Сейчас я стала чуть привыкать, и боли практически не чувствовала, только приятное удовольствие, от которого внизу живота становилось не по себе, но и приятно.

Заметив, как он надел презерватив, я вздохнула, да и мне спокойнее было. На его действия лишь тихо постанывала и держалась за постель, поскольку он крупный, а я по сравнению с ним маленькая. У меня ужасно чувствительная кожа, и от каждого прикосновения уже образуется синяк, боюсь представить, что будет утром на моем теле, скорее всего, даже живого места не останется.

Услышав в моменте стук в стену, я приоткрыла испуганно глаза и взглянула на парня. Случилось то самое, чего я и боялась. Если сейчас еще и придут, то тогда точно сгорю от стыда, но слегка даже проигнорировала это. Пока он отвлекся, воспользовалась моментом и, толкнув

его на спину, поменялась тем самым с ним местами и присела аккуратно сверху. Сев аккуратно на его член, тихонько простонала и держалась за его плечи, тем самым чуть приподнималась и двигалась, целуя аккуратно его губы и стонала ему в рот, чтоб не так громко.

Винсер Бартман.

От стука никакой реакции с моей стороны не было, я даже на это не обратил внимание. Я продолжал постепенно ускоряться, периодически сжимая одной рукой ее бедро. А когда она проявила инициативу, мои руки легли на ее бедра, слегка сжимая, тем самым помогая наращивать темп.

— Забудь про других, кто стучит, плевать на них хотели, — проговорил я хриплым и даже будто приказным тоном. Эти глаза, которые вечно веют холодом, что уж там.

Я сам по себе мрачным кажусь, да и если помешают, то я лично придушу того, кто нас отвлек. Можно было бы подумать, что это обычная угроза, но не со мной. Я терпеть не могу, когда меня отвлекают от чего-то, да и в моменте плевать хотелось на что-то другое в такие моменты.

Нарачивая темп, я скользнул рукой вниз. Плавно, одновременно с ее движениями, массируя и надавливая на клитор, так же доводя и дразня, доводил ее.

Джулиет Фишер.

На его действия я только чуть сморщилась и сжала его плечи сильнее. Я была слишком чувствительной, и мне не особо такие действия были приятны. Выгнулась сильнее и уже легла на него практически из-за усталости. Мне было ужасно душно, а окно было закрыто, поэтому и неудивительно мое состояние. Голова чуть кружилась, и, приподнявшись с него, я легла просто на него сверху и чуть пыталась отдышаться. Положила на его грудь руки и на них голову, чуть подбравшись к нему ближе, поцеловала его в нос и поправила что свои волосы, что его. Аккуратно гладила его по скулам и моментами целовала в губы.

Винсер Бартман.

Я тяжело дышал, да и вес девушки особо не чувствовал. Жара давала о себе знать, все же в комнате, по моим ощущениям, не то что жарко, а та еще печка. Я прикрыл глаза, только стараясь восстановить дыхание. На пьяную головушку это намного тяжелее, нежели на трезвую, так еще в моем организме и наркотик.

На самом деле, внутри меня рапировало еще и удовольствие, что я наконец получил желаемое.

Джулиет Фишер.

Посмотрев на него, я прикрыла глаза и еле слышно дышала.

Услышав в моменте стук в дверь, слегка дернулась и посмотрела на Ви. Я услышала его хмурую нотку злости, когда говорил про других, и было такое чувство, что он тому человеку, кто стучит, может сделать больно. Взяла его за руку и чуть приподнялась, чтобы он не вставал. Стук все равно был, но буквально через минуту прекратился, и, посмотрев на парня, я улыбнулась. Ложась обратно, запустила руку ему в волосы и, потерявшись о него своим носиком, довольная, уткнулась носом ему в шею и тяжело дышала.

Винсер Бартман.

Эта нежность, или как это можно назвать, была для меня чем-то совсем новым. Я совсем не нежный и не милый, что по мне прекрасно и так можно понять. С такой реакцией девушки я удивлялся, но не показывал виду, только было видно, что я переводил дыхание. Прикрыв глаза, постепенно приходил в себя.

Джулиет Фишер.

Я посмотрела на него и заметила, как ему тяжело. Чуть приподнявшись, посмотрела по сторонам и, увидев кондиционер, начала искать пульт. Найдя его, дотянулась до него и, включив кондиционер, отложила пульт. Телефон оставила там и не пойду уж точно за ним. Заметив бумажку с ручкой, дотянулась до них и, написав, взглянула на парня.

«Тебе плохо, может, остановимся? Я переживаю за твое состояние».

Отложила эту бумажку в сторону и обеспокоенным взглядом смотрела на него, хлопая легонько ресничками.

Винсер Бартман.

— Нет, все нормально. От духоты тяжело переводить дух, — проговорил я, *но просто не упомянул, что духота на меня так влияет из-за двух еще вещей.*

— Боли же нет?

Хоть мне и было плевать, но я попросту хотел сделать качественно и аккуратно, чтобы для девушки это был приятный первый опыт.

Джулиет Фишер.

Посмотрев на него, улыбнулась и покачала отрицательно головой.

Когда кондиционер стал все-таки чуть охлаждать, облегченно вздохнула и просто лежала на нем, чуть ли не засыпала уже.

Я думала, что у нас все серьезно, ведь не знала о том, что он бабник, да и видела, как он пытается сделать аккуратно, успокаивал даже, поэтому решила рискнуть. Слышала от подружки, что без защиты это совсем другие ощущения, и хотелось их также испытать.

Чуть приподнявшись, посмотрела на него и, дотронувшись рукой до его члена, чуть погладила и с улыбкой попробовала стянуть, аккуратно целовала его в скулы и шею, тем самым отвлекая. *Не знала, как он реагирует на такое, но рискнуть стоило.*

Винсер Бартман.

Меня отпустило, и хотя бы теперь так не жарко, все же алкоголь разгоняет хорошо так кровь и согревает.

Как только девушка коснулась моего члена, я глянул на нее, но прекрасно почувствовал, как она попыталась стянуть, чего я не дал сделать, и, быстро поменявшись с ней местами, уже по-хозяйски, как обычно и делаю, скользнул рукой по внутренней части ее бедра, а следом и вошел двумя пальцами.

Стянуть защиту я не дал, сразу же насторожился, хоть и верю, так скажем, в свои силы, но не хочу сдерживаться и поджидать момент. Мне проще гораздо, когда знаю, что не ввяжусь в какую-то неприятность.

Джулиет Фишер.

Посмотрев на него, слегка дернулась, когда он меня перевернул, и, приоткрыв глаза, посмотрела на него, но, как почувствовала пальцы внутри, так сразу ахнула от удивления и, выгнувшись, откинула голову, держась за его руку. Конечно, удивилась от такого резкого действия, ведь до этого он как-то аккуратно подводил к каждому действию, а сейчас так резко.

Парень же проверил этим, не остыла ли я, а после чего не так резко, а даже плавно зашел обратно уже в меня.

Взглянув на него, запустила руку ему в волосы и гладила, тихонько постанывая. Сразу отвернула голову в сторону и, чуть выгибаясь, дрожала, но это скорее приятная дрожь, чем от испуга.

Начиная набирать темп, он аккуратно начал покусывать мои соски и слегка присасывать их.

Все же он не закончил до сих пор, а просто так оставлять дело не законченным совсем не любит, поэтому этим жестом требовательно потребовал снова, что неудивительно для него.

Издавала тихий стон и на действия с грудью только сморщилась приятно, с улыбкой. У меня сильно чувствительная грудь, и поэтому на его прикосновения реагировала очень остро, но это даже нравилось.

Запрокинув голову, выгнула шею и стала глубоко дышать. Дыхание практически сразу сбилось, и больше ровно дышать не могла, по моей мимике было понятно, что уже на пике и сил нет.

Доходя до пика, он сам стал ускоряться. И смог даже синхронно со мной закончить.

Доведя меня до оргазма, я тихонько вскрикнула и почувствовала, как ноги чуть задрожали. Еще это рваное дыхание, с которым нормально дышать не могла, но это даже чуть заволокло. Отвернув голову, достаточно громко стала дышать, пытаясь просто отдышаться и успокоиться. Прислонив руку ко лбу, убрала легкий пот и, вздохнув, прикрыла глаза от усталости.

Винсер Бартман.

А как закончил, вышел с нее, смотря на ее дрожащие ноги. *Значит, свое дело я сделал.* Сняв презерватив, завязал его и, встав, выкинул в мусорку, а после чего сел на кровать. Весь вспотел, все же, как я шучу при друзьях: *«секс лучше фитнеса и всего, чего можно».*

Джулиет Фишер.

Взглянув на него, чуть приподнялась и, взяв одеяло, прикрыла интимные места им, чтобы не так сильно стесняться.

Взглянула в сторону окна и, вздохнув, глянула на парня. Положила аккуратно ему голову на плечо и кивнула в сторону кровати. Сил не было никаких, просто уже хотела сходить в душ и лечь спать.

Поцеловав его аккуратно в скулу, улыбнулась и, поднявшись, замотала одеяло получше и, почувствовав, как ноги еле держат, вздохнула. Дойдя до душевой, прикрыла дверь и, взяв полотенце, положила рядом, поправив волосы, вздохнула и, взглянув в зеркало, только задумалась. *Все тело было в легких розоватых следах от его губ и рук.*

Отложив одеяло, сложила его и, зайдя в душевую, прикрыла дверцу и, включив теплую воду, облокотилась о стену, чуть приподняв голову. Ноги до сих пор дрожали и еле как держали, но держалась и, только прикрыв глаза, задумалась, прикрывая при этом интимные места руками.

Винсер Бартман.

Я же только тяжело выдохнул — первый раз у меня такое. Обычно другие дамы не такие ласковые и тактильные, а она прям удивила.

Мне даже в первый раз стало паршиво от самого себя. Вероятно, она не понимает, что это была просто интрижка на один вечер.

При этом плюс моя совесть чиста, инициатором я не был, значит, и козлом меня частично только назвать можно.

Джулиет Фишер.

Посмотрев на парня, я увидела, что он остался спать без одеяла, и, повернувшись к нему, аккуратно укрыла его одеялом. Дотянувшись до бумажки с ручкой, написала и показала ему с щенячьими глазками:

«Прошу, можно я с тобой буду рядом? Я впервые почувствовала себя нужной с тобой, хоть один раз это почувствую. Я уйду утром, чтоб не портить тебе настроение. Только позавтракай в этом отеле, пожалуйста, а то будешь ходить голодным. Тут очень вкусная еда».

Поняла уже все и поэтому написала так, даже несмотря на то, что поняла, что была просто игрушкой, все равно не держала на него обиду и даже попросила его поесть, просто чтоб восстановить организм после такого. Сама уйду раньше, чтобы он не видел меня утром, ведь так ему придется меня выгонять, а я просто выйду спокойно и не буду мешать.

Аккуратно обняла его руку и, прислонившись к нему чуть грудью, положила голову и, прикрыв глаза, стала засыпать, тихонько только сопела. Мне было с ним хорошо, хоть и поступил со мной не совсем хорошо и просто использовал, но с ним я чувствовала безопасность и спокойствие.

Винсер Бартман.

Я посмотрел, что она написала, прочитал и, черт его побери, почувствовал такое неприятное чувство паршивости, которое испытал первый раз в жизни. Я никогда такого не чувствовал. Только кивнул на ее просьбу и, погладив девушку по голове, стал сам постепенно засыпать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.